

*Головащенко С. И.***Библия и библиологическая литература в Киево-Могилянской академии конца XVIII — начала XIX в.: тексты, жанры, традиции**
(из опытов реконструкции духовно-интеллектуального наследия КДА)

Вопрос о том, как и в какой мере богословская и интеллектуальная культура Киево-Могилянской академии может рассматриваться как наследие для Киевской духовной академии XIX — начала XX вв., достаточно непрост и требует широкого и комплексного решения. Ясно, что большим упрощением является привычка рассматривать традицию «могилянской» эпохи в терминах, подобных понятию «псевдоморфоза» у отца Г. Флоровского. Особенно это касается необходимости разобраться с причинами, источниками и мотивами весьма активного развития во времена уже реформированной КДА традиции изучения и преподавания Библии. Поэтому в данной статье мы и проанализируем один из мощных библеистических ресурсов «старой» Киево-Могилянской академии с точки зрения его жанрового наполнения и идейно-методологического содержания.

Источники и главные вопросы к ним

При попытках реконструкции той или иной библеистической традиции важным является отображение особенностей ее текстуальных источников. Ведь речь идет о сохранении и освоении сакрального текста, универсальность присутствия которого в европейской культуре задает определенные инварианты в использовании источников и применении герменевтических техник. Последние, в свою очередь, могут быть исследованы и со стороны специфики их локализации, и со стороны общего культурно-конфессионального и методологического контекста.

Первая группа вопросов в связи с этим — это вопросы о том, какую Библию читали или, по крайней мере, могли читать в Киево-Могилянской (а впоследствии и в Киевской духовной) академии? Тут речь идет об определении путей приобщения преподавателей и исследователей к текстуальной традиции. Культурно-языковой контекст киевской

библейстики устанавливается здесь через определение того, на каких языках, в каких переводах или изданиях читалась здесь Библия. Важно также определить, в каких формах книжности был доступен библейский текст — учитывая исторические различия («свиток/кодекс»; манускрипт/печатная книга) и конкретные конфессиональные формы включения этого текста в церковную культовую и богословско-дидактическую практику (скажем, специально оформленные богослужебные и учительные библейские сборники типа Апракосов, Служебных и Учительных Евангелий, различные жанры «библейских компиляций» типа Хронографов, Палей, Пандект, где актуальная проблематика сопоставлялась с универсальными парадигмами Священной истории)¹.

Другая группа вопросов — о библеистической комментаторской литературе, доступной для чтения и использования. Тут говорим: об исторически актуальных жанрах этой литературы (скажем, «беседы», «толкования», «катены», «комментарии», «наставления», т. п.); о выявленных при этом конфессиональных особенностях герменевтических подходов, приемов и методов²; о возможности влияния разных традиций на киевскую — посредством критики или (и) рецепции.

Одним из референтов, позволяющих осуществлять реконструкцию текстуальной базы киевской библеистической традиции, мы считаем академическое библиотечное собрание, рассмотренное (по мере возможности, по доступным источникам) в его исторической эволюции. Сформированное в Киевской (Могилянской) академии к концу XVIII в. и в значительной мере унаследованное обновленной КДА, оно демонстрирует, как тут был представлен библейский текст и его интерпретации; какие именно издания создавали наилучшие возможности для изучения Писания; какие герменевтические принципы и экзегетические традиции при этом привлекались; какое культурное, конфессиональное и исследовательское, методологическое влияние и взаимодействие тут могло происходить.

Принимаем во внимание важность этого референта, вспоминая о роли библиотечных собраний в давние времена, в частности в мо-

¹ О различных жанрах библейской литературы, представленных в отечественной церковно-богослужебной, учительной и богословской традициях см., напр.: Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1987. Вып. 1. С. 68–83, 285–288, 290–294; а также: Головащенко С. И. Біблієзнавство. Вступний курс. К., 2001. Розд. 8, 9.

² Например, о «водоразделе» между ортодоксальным признанием *sensus plenior* в каждом фрагменте Писания, скрытого от «профана» за многоуровневой символической и доступного лишь в мистическом коллективном сверхусилии Церкви в целом, когда персональная интерпретация проверяется путем построения герменевтической «цепи» — катены ссылок к предшествующему интерпретативному опыту традиции — и реформационной уверенностью в возможности всеохватного восприятия смысла Писания посредством личной связи с Богом. Или о различии между спиритуалистически-мистическим, вербалистским и рационалистическим вариантами протестантской экзегезы, между разными формами «исторической критики» и т. д.

настырях и церковных учебных заведениях. Метафора, использованная архиепископом Феофаном Прокоповичем в Духовном регламенте: «без библиотеки, как без души, Академия...»³, могла возникнуть именно на основе опыта Киевской академии. Ведь академическую библиотеку, которая в 1770-х гг. насчитывала 3 300 книг, в 1790-х гг. — свыше 6 200 книг, а в начале XIX в. — до 8 000 экземпляров, и современники, и позднейшие исследователи считали «значительным и ценным книжным собранием», «едва ли не лучшей в научном отношении библиотекой всей России»⁴. Соглашаясь с тем, что изучение истории функционирования киевской академической библиотеки является отдельной научной задачей⁵, рассмотрим в этой статье лишь один, довольно специальный аспект. Это — репрезентация библейской и библеистической литературы в фондах Киевской академии как фактор становления здесь традиции библейских исследований.

Формирование соответствующих фондов, происходившее из различных источников (в основном пожертвования, специальные закупки, в т. ч. из-за рубежа)⁶, хотя и прерывалось или тормозилось стихийными бедствиями или материально-организационными трудностями⁷, уже в начале XIX в. привело к появлению мощного книжного собрания, значительно укрепившегося в течение следующего столетия⁸. Наличие в этом корпусе разнообразных изданий самого текста Библии в оригинале и переводах, а также изданий, демонстрирующих традиции богослужебного использования, изучения, богословской и научной интерпретации Писания рассмотрим, используя библиографические свидетельства, дошедшие до наших дней⁹.

³ Цит. по: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Духовной Академии. Отделение II (1721–1795) / Под ред. И. Н. Петрова. Т. I (1721–1750). Ч. I. Киев, 1904. № 1. С. 6 (далее: Акты и документы...).

⁴ См.: Титов Ф. Императорская Киевская духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915). Киев, 1915. С. 320. (далее: Титов Ф. Императорская Киевская духовная Академия...); Акты и документы... Отд. II. Т. I. Ч. I. Введение. С. XXVII; Там же. Т. V (1761–1795). № LXXVII. С. 470.

⁵ См., напр.: Дениско Л. М. Библиотека Київської духовної академії та її бібліотекарі (1819–1919). Автореф. дис. канд. істор. наук. К., 1997.

⁶ См.: Акты и документы... Отд. III. Т. I. Ч. I. Введение. С. XXVIII; Титов Ф. Императорская Киевская духовная Академия... С. 320.

⁷ См.: Титов Ф. Императорская Киевская духовная Академия... С. 320–321; Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение III (1796–1869) / Под ред. Ф. И. Титова. Т. IV. К., 1913. № LXXV, LXXIX–LXXXVI, XC, XCI, XCV, XCVI, XCVIII, XCIX, CVI.

⁸ См.: *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae Kiioviensis* (ок. 1792 г.). В кн.: Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 300–470; Систематический каталог книг библиотеки Киевской Духовной Академии в 5 томах, 13 выпусках / Сост. А. С. Крыловский. К., 1890–1915.

⁹ См., напр.: упомянутый уже *Catalogus librorum Bibliothecae Academiae Kiioviensis*; некоторые описания книжных пожертвований в пользу академической библиотеки нач. XIX в., напр., бывшего епископа Смоленского Димитрия (Устиновича) (Акты и документы. Отд. III. Т. I. С. 542–560); описание т. н. «библиотеки Марковича» (воспитанника Академии, полтавского помещика Иосифа Марковича; Акты и документы... Отд. III. Т. III. № LIV. С. 344–368); книги,

Важнейшим свидетельством солидного фундамента библеистического труда всегда, в любом очаге культуры и образования служит наличие текстов Библии. В Киевской академии конца XVIII — начала XIX в. (демонстрирует это прежде всего *Catalogus librarium Bibliothecae Academiae Kiioviensis*, составленный ок. 1792 г.) были широко представлены разнообразие издания Библии. Разнообразие это отмечаем и по формату, и по языкам и переводам, и по содержательной компоновке самих изданий, и по географии публикаций.

Издавания Библии на оригинальных языках. Полиглотты

Прежде всего, тут были доступны Библии как на древнееврейском, так и на греческом языках. Это, например: еврейское Пятикнижие (Венеция, 1551); еврейские Библии: без имени издателя (Гамбург, 1596); Йоганна Генриха Михаэлиса (Галле, 1720)¹⁰; 13 экземпляров издания Кристиана Рейнекта (Лейпциг, 1725, 1739, 1756). Среди библейских изданий на греческом — Ветхий Завет (Лондон, 1653; Лейпциг, 1730; Амстердам, 1683); издания Нового Завета: без указания издателей (Виттенберг, 1736; Лондон, 1701; Базель, 1586; Лейпциг, 1709; Галле, 1710); Иоганна Лейдена (Берлин, 1757); Людольфа Кустера (Роттердам, 1770).

Привлекают внимание многоязычные библейские издания, созданные с использованием оригинальных текстов и наиболее известных переводов — т. н. полиглотты, или мультилингвы: билингвы (диглоссы), трилингвы, квадрилингвы¹¹. Наличие таких изданий открывает большие возможности для текстологического изучения Писания и формирует фундамент для экзегезы. Так, в киевском академическом каталоге видим: 9-томную древнееврейско-самарянско-халдейско-греческо-сирийско-арабскую полиглотту (Париж, 1645); 2-томное латинско-греческо-немецкое издание Давида Фольдера (Гамбург, 1596); на 4-х языках (не указано, каких) издание Нового Завета (Лейпциг, 1750); древнееврейско-греческо-латинская Псалтирь (Базель, 1548); сирийско-латин-

приобретенные у московского купца А. Колотилина для академической библиотеки 12 февраля 1813 г. (Акты и документы... Отд. III. Т. IV. № III. С. 3–5); описание изданий, поступивших от г-на Скорописницкого (1816 г.) (Акты и документы... Отд. III. Т. IV. № LXXVI. С. 438–440); каталог книг от типографа Киево-Печерской лаврской печатни иеромонаха Ерофея Нащинского (Акты и документы... Т. IV. № LXXVIII. С. 445–463); описания библиотеки и имущества академической Конгрегационной Благовещенской церкви (1780 г. и 1811 г. — после пожара; Акты и документы... Отд. III. Т. I. № LXIX. С. 191–214; Т. IV. № CXXIX. С. 680–691).

¹⁰ Расшифровка имен издателей или авторов, а иногда мест издания, приведенных в каталогах на латыни и часто сокращенно, стала возможной во многом благодаря дружеской профессиональной помощи Виктора Котусенко, Ирины Пиговской и Анны Поляк (Биловол). За эту помощь выражаю коллегам искреннюю благодарность.

¹¹ В этих изданиях оригинальные версии Библии (древнееврейские, греческие) сопоставлялись с переводами, древними и новыми. Эта традиция была начата еще Гекзаплами Оригена и возобновлена вначале XVI в. испанским кардиналом Ф. Хименесом. Полиглотты, или мультилингвы, всегда были важным источником сохранения и реконструкции библейского текста.

ская книга Псалмов (Париж, 1625); древнееврейско-латинские Псалмы Санктеса Панино (Базель, 1675, 1726); греко-латинские диглоссы Нового Завета (Базель, 1588, Амстердам, 1741); греко-латинские Евангелия и апостольские Послания (Гамбург, 1673).

Издания Библии на латинском языке

Среди прочих изданий Библии они наиболее многочисленны. Преобладала Вульгата XVII–XVIII в., что подчеркивало культурно-языковую специфику киевского региона, особое место латиноязычной литературы, а также косвенно — меру усвоения тут общеевропейского богословского и культурного наследия. Наблюдаем широкую европейскую географию таких изданий: голландских, немецких, французских, английских, швейцарских. Видим тут издания целой Библии без указания издателей (Ганновер, 1603; Антверпен, 1634; Париж, 1731); Нового Завета (Гота, 1747); издания Эммануэля Тримеллия (Ганновер, 1624; 1715); 3-томное иллюстрированное издание Абрахама (Авраама) Каловия (Калова) (Дрезден — Лейпциг, 1719); 4-томное издание Элиаса Гуттера (Гамбург, 1587); Новый Завет Хаммонда (Франкфурт); М. Давида (Гаага, 1743); Себастиана Каstellиона (Лейпциг, 1750); Иоахима Гейнриха Кампе (Франкфурт, 1677; Гамбург, 1799).

Издания Библии на новоевропейских языках

Появление в Европе переводов Библии на народные языки (как реформационно-протестантских, так и контрреформационно-католических), становление на этой почве национальных литературных, богословских и философских традиций явилось важным фактором развития и отечественной духовной традиции. Представленные в академической библиотеке, эти издания демонстрируют потенциальные возможности приобщения киевской библеистической традиции к постреформационной и модерной (Нового времени) культуре. Такое приобщение могло быть достаточно интенсивным, судя по возможности использовать соответствующие тексты. Так, видим: богемские (чешские) 2-томную Библию (Прага, 1715) и Новый Завет (Прага, 1768) — издания, хотя и относительно поздние, однако представляющие одну из давних реформационных традиций¹², бельгийский Новый Завет (Гаага, 1610); французскую Библию Давида Мартена (Ба-

¹² Истоки этой переводческой традиции всходят еще к Яну Гусу и его последователям — «чешским братьям». Новый Завет на богемском (чешском) языке вышел еще в 1475 г., а в 1488 г. в Праге — полная чешская Библия, неоднократно переиздававшаяся и оказавшая сильное влияние на библейские переводы других славянских народов. Так, чешскую Библию издания 1506 г. использовал Ф. Скарина для подготовки своей Библии Русской (Прага, 1517–1519 — Вильно, 1525 гг.). В течение 1579–1593 гг. в Моравии под патронатом Яна Благослава был осуществлен чешский перевод с оригинальных библейских языков — т. н. Кралицка Библия.

зель, 1744); немецкие Библию (Галле, 1739), Новый Завет и Псалтырь без титулов; польские издания Библии (Краков, 1575, 1599¹³; Галле-Магдебург 1726; Кролевец, 1738), Псалтирь (Гданьск, 1684) и Новый Завет без титула¹⁴.

Вопрос о наличии славянских (в т. ч. церковнославянских) изданий Библии

Сразу отметим, что в академической библиотеке конца XVIII в. не представлены славянские версии Библии, возникшие в XVI–XVII вв. вследствие известных реформационных сдвигов в культуре и духовной жизни Восточной и Центральной Европы, к которой принадлежали тогда украинские и белорусские земли в составе Речи Посполитой¹⁵. Допускаем, что это стало, с одной стороны, следствием унификации киевской церковной книжности по общерусским образцам, когда созданные в Киеве книги XVII–XVIII вв. порой ревизовались московскими церковными цензорами¹⁶. Однако вполне возможно, что такие издания, если и имелись в академических фондах еще со времен митрополита Петра Могилы (а Острожской Библии это касалось с большой долей вероятности) — то просто не сохранились до конца XVIII в. из-за разрушительного действия стихий. Так, мы имеем свидетельство, что во время пожара 29 февраля 1780 г. сгорели почти все книги академической библиотеки (среди которых были и пожертвованные Петром Могилой), и далее происходило уже восстановление фондов¹⁷. Среди наличных же в академической библиотеке церковнославянских изданий находим: санкт-петербургские и московские издания полной Библии, Нового Завета, Псалтири (1663, 1745, 1751, 1756, 1757, 1758, 1759, 1766, 1778 гг.); киевские

¹³ В Кракове был издан первый полный польский перевод Библии с оригинальных библейских языков (т. н. Краковская Библия) в 1561 г.

¹⁴ См.: Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 302–303, 330, 360–362.

¹⁵ Среди них наиболее известны: Псалтырь и Библия Руска Ф. Скарины, Переспонницкое Евангелие монахов Григория и Михайла, Креховский Апостол, Евангельские билингвы Василия Тяпинского, Новый Завет Валентина Негалевского; даже Острожская Библия И. Федорова испытала местное языковое влияние.

¹⁶ Не будем однозначно утверждать о большой распространенности таких ревизий. К тому же, правки в творения киевских богословов вносились не только в Москве, но и на православном Востоке. Но порой это случалось и касалось как вероисповедной (символической), так богослужебной и учительной литературы. Например, киевского «Православного исповедания веры» 1640 г.: лишь «Краткий Катехизис» 1645 г., изданный митрополитом Петром Могилой, сохранял аутентичность относительно первоисточника, в отличие от позднейших изданий общеизвестного «Большого Катехизиса». Исправление Острожской Библии привело к появлению Московской первопечатной Библии; Требник Петра Могилы 1646 г. претерпевал ревизии в московском переводе. См. пример в кн.: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. II. Киев, 1898; Приложения. Примечания на С. 482.

¹⁷ См.: Титов Ф. Императорская Киевская духовная Академия... С. 320.

издания Печерской лаврской печати: 2-томные Библии (1758); Псалтирь и Новый Завет (1780)¹⁸.

Библейские симфонии (конкордации)

Они, как известно, являются своеобразной «переходной формой» от собственно библейского текста (оригинального либо переводного) к интерпретативным слоям библейской литературы. В Академии были известны произведения этого жанра, созданные на оригинальные тексты Писания и на его переводы: «большая конкорданция» (Базель, 1553); конкорданции и «индексы библейских предметов» (1730, 1776); конкорданции на Вульгату (Антверпен, 1718, 1740; Вена, 1770); на древнееврейскую Библию (Базель, 1632); двухтомная греческая «симфония на Септуагинту» (Амстердам, 1718); церковнославянские симфонии на православные богослужебные части Библии: на Псалтирь (Санкт-Петербург, 1727, 1757); Четвероевангелие (Москва, 1733, 1761); Апостол (Санкт-Петербург, 1734, 1737)¹⁹.

Библейские комментарии: от патристики до Нового времени

Обширным представляется массив изданий, посвященных исследованию и интерпретации Библии. Кроме специальных библеистических разделов каталога (свыше четырехсот книг различного формата), данная литература в виде десятков изданий и экземпляров помещена в других разделах среди богословских, исторических, географических, лексикографических, лингвистических, филологических, поэтических произведений. Такое размещение не должно удивлять — принимая во внимание давнюю традицию оформления и осмысления с помощью библейской лексики и символики разнообразных отраслей человеческого знания и практики, а также тенденции Нового времени по привлечению научных данных для критического исследования самого библейского текста.

В академических фондах наиболее заметное место занимали многотомные комментарии, где каждый том посвящался отдельной части Писания. Значительным был удельный вес европейских (преимущественно немецких, голландских, итальянских, французских, английских) изданий XVII — начала XVIII вв., как на латыни, так и на национальных языках. Для истории библейских исследований может быть интересна возможность восприятия разнообразного экзегетического материала, рожденного всплеском межконфессиональной борьбы в Европе (в кото-

¹⁸ О книжной репрезентации и исследовании в КДА славянской Библии см.: Головащенко С. І. Церковнослов'янська та слов'яно-руська бібліяна книжність в Київській духовній академії: текстувальна «присутність» та проблема дослідження // Наукові записки НаУКМА. Т. 25. Філософія та релігієзнавство. К.: КМ Академія, 2004. С. 74–79.

¹⁹ См.: Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 302–302, 330, 331, 360.

ром одними из главных были вопросы об отношении к Писанию и путях его интерпретации).

В этой, наиболее многочисленной, группе изданий отметим: многотомные «критические синопсисы» (Лондон, 1669, 1671, 1673, 1674, 1676); 5-томные издания Метью Пула (Франкфурт, 1679; Лондон, 1662; Утрехт, 1694); 7-томные «Критики» на канонические и апокрифические книги Библии (Франкфурт, 1695–1696); 8-томные «Критики» на все части Ветхого и Нового Завета (Амстердам, 1698); аналогичные «Комментарии»: 16-томные (в 10 книгах) Алонсо Салмерона из Толедо (Жельн, 1612); 11-томные Корнелия Лапида (ван дер Штеена) (Лейден, 1792); 8-томные в 9-ти книгах Августина Кальмета (Кальме) (Венеция, 1754); 10-томник Иоанна Дасильвиера (Лион, 1697–1725); 8-томные «на разные части Библии» Иоганна Иоахима Коццеюса (Амстердам, 1673); на книги Пятикнижия, Евангелия и Послания Иоганна Герхарда (Иена, 1637, 1653, 1657, 1661, 1663); 13-томное пособие для изучения Библии на немецком языке (Кенигсберг, 1740–1742); 3-томные «экспозиции» на Псалмы (Антверпен, 1643 и 1646); 6-томные комментарии на Псалмы Фомы ле Бланка; 4-томные «нравственные толкования» Евангелий (Париж, 1694–1698); 4-томник Иоганна Клирика (Жана ле Клерка) (Тюбинген, 1733); 3-томные толкования на Ветхий Завет Иоганна-Гейнриха Михаэлиса (Галле, 1720); 3-томное издание «филологических и критических исследований» по Евангелиям Кристофа Вольфа (Базель, 1741); 2-томные комментарии на книгу Исая Кампегия Витринга (Базель, 1732); критические «супплементы» в двух томах без имени издателя (Франкфурт, 1770).

Это также изданные в XVII–XVIII вв. комментарии *патристической традиции*: «Филокалия» Оригена (Париж, 1624); его же 2-томные «комментарии на Св. Писание» (Руан, 1663 и 1668); комментарии Феодорита Кирского: в 5-ти томах (Париж, 1642) и в 6-ти томах (Галле, 1769–1770); 4-томное издание комментариев на Библию архиеп. Феофилакта Болгарского (Венеция, 1754–1763); его же комментарии на все Евангелия (Базель, 1523; Кьольн, 1701); «катены» из греческих отцов Церкви: на книгу Иова (Лондон, 1634, 1637), на Евангелие от Матфея (Тулуза, 1646), на Евангелия от Луки и Иоанна (Антверпен, соответственно 1628 и 1630); около 20 экземпляров русскоязычных «Бесед» Иоанна Златоуста: на книгу Бытия (Москва, 1767, 1769; Санкт-Петербург, 1766; Киево-Печерская лавра, 1773); на новозаветные книги Деяний, Посланий ап. Павла и Апокалипсис (Москва, 1763, 1767, 1768); двухтомные комментарии на Деяния, Послания и Апокалипсис Экумения Трикского, (Париж, 1631); комментарии Кассиодора Сенатора на Послания, Деяния и Апокалипсис (Лондон, 1722).

Среди классических *комментариев ренессансной и реформационной эпох* заметными были: примечания к Новому Завету Эразма Роттер-

дамского (Базель, 1527 и 1555); 7-й и 8-й тома из его же 10-томного собрания трудов — парафразы и комментарии на Новый Завет (Лейден, 1705 и 1706; Ганновер, 1668); «схолии» и «аннотации» Мартина Лютера к пророкам Исае и Аввакуму (Виттенберг, 1534); комментарий Иоганна Эколампация (Гейсгенна) на книгу пророка Иезекииля (Страсбург, 1543); 9-томный комментарий Жана Кальвина (Амстердам, 1667); «аннотации» на Ветхий и Новый Заветы Гуго Гроция (Базель, 1732); его же пояснения к Декалогу и комментарии на Библию (Оксфорд, 1706; Париж, 1647; Лондон, 1727).

Атрибуция остальных «авторских» толкований содержит немало данных для реконструкции конфессиональных традиций и экзегетических школ, известных в Киеве в конце XVIII — в начале XIX в. Тут: «поучения по евангелисту Иоанну» Эразма Сарцерия (Базель, 1540); «рассуждения» — *enarrationes* по Посланиям апостола Павла Георга Мейера (Майориса) (Виттенберг, 1549); «библейская экономия» (Венеция, 1572); «эннотации» по книгам Исход и Числа Давида Китреуса (Виттенберг, 1570 та 1580); «схолии» на пророческие книги Иоганна Паппуса (Паппе) (Франкфурт, 1593); толкования «малых пророков» Варфоломея Гейдериха (Виттенберг, 1610); «библейские аннотации» Готфрида Олария (Галле, 1676); «Комментарии»: Иоганна Бренца на Послания ап. Павла (Франкфурт, 1564); Петра Мартира (Пьетро Мартире) на Бытие (Цюрих, 1569); Альфонсо (Алонсо) Тостадо на Евангелие от Матфея (Венеция, 1596); Давида Пареуса (Венглера) на книгу Бытия (Франкфурт, 1609) и Соломона Геснера на эту же книгу (Виттенберг, 1604); Иоганна Друзиуса (Яна ван ден Дрише) «на трудные места Пятикнижия» (Франкфурт, 1617); Диего де Эстелла на Евангелие от Луки (Антверпен, 1622); Иоанна (Яна) Тарновия на Евангелие от Иоанна и Псалмы (Росток, 1621–1629); Иоганна Канути (Кольдорфа) на Евангелие от Иоанна и Апостольские Деяния (Упсала, 1640); Иоанна (Жана) Бессона на книгу Песнь Песней (1646); Иоанна (Джованни) Меурсио на Деяния и Апокалипсис (Антверпен, 1647); Мартина Гейера на Псалтирь (Дрезден, 1667); Иоанна Мерсера (Жана Мерсье) на книгу Иова и Притчи Соломоновы (Амстердам, 1651; Москва, 1748); Виллема Суренгусия «на избранные места из Ветхого и Нового Заветов» (Амстердам, 1693); его же парафразы на Евангелие от Луки (Базель, 1523); комментарии Себастиана Шмидта на разные книги Библии (Гамбург, 1695; Лейпциг, 1722); Иоганна Шмидта на «малых пророков» (Лейпциг, 1698); Филиппа ван Лимборха на апостольские Деяния и Послания (Роттердам, 1711); Августа Германа Франке «Введение» в Псалтирь (Галле, 1734); Энтони Блекволла «священная критика» Нового Завета (Лейпциг, 1736); Авраама Каловия «аннотации» к Пятикнижию, без титула; Мено Ханнекена на Послание ап. Павла к Эфесеям;

Августа Пфайфера «комментарии трудных мест Писания» (Дрезден — Лейпциг, 1713); немецкоязычные: Якоба Рамбаха на Евангелие от Иоанна (Галле, 1731, 1757); Эдуарда Лея на Новый Завет (Лейпциг, 1732); книги в жанре «интродукций» — введений в библейские книги (Лейпциг, 1737; Кенигсберг, 1744); «предварительные введения» Соломона Геснера к первым главам книги Исайи (б.м.г.); комментарии и лекции Августа Германа Франке (Галле — Магдебург, 1709 и 1724)²⁰.

Традиция гомилетической экзегезы библейского текста

Эту традицию представляли «разъяснения» праздничных и «недельных» евангельских чтений (т. н. Апракосов, *Evangelia festivalia*): на латыни (Лейпциг, 1710; Любек, 1641); на русском (Санкт-Петербург, 1748; Москва, 1766)²¹. При помощи этих изданий, несмотря на их малочисленность, происходило весьма актуальное для православия литургическое прочтение и освоение Священного Писания — как самоценная герменевтическая процедура.

Пособия по библейской исагогике, герменевтике и экзегезе

Эволюция богословской, философской, исторической и филологической рефлексии относительно патристического и средневекового наследия, происходившая в реформационный и послереформационный периоды, особенно в Новое время, обозначилась появлением специальных исследований, где рассматривались собственно герменевтические проблемы и правила экзегезы. В корпусе таких трудов, имевшихся в Академии, назовем: «Экзегетическую теологию» Филиппа Гейнриха Фридлиба (Франкфурт, 1660); исагогические работы Иоганна Герхарда (Иена, 1622, 1628, 1645, 1659); сочинение «Об интерпретации» Пьера Даниэля Гуэта (Юэ) (1680); еще одну «Экзегетическую теологию» Гейнриха Рейнезия (Рейнеса) (Лейпциг, 1701); «Трактат об интерпретации Св. Писания» Вольфганга Франца (Виттенберг, 1708); «Экзегетические упражнения» Корнелия Адама (Грөнинген, 1713); «Герменевтические упражнения» Иоганна Якоби (Иена, 1728); «Историко-богословскую исагогику» Франца Буддея (Лейпциг, 1730); «Экзегетическое введение к Псалмам» на немецком языке Филиппа Кристофа Цейссенса (Лейпциг, 1732); «Наставления в святой герменевтике» Иоганна Якоба Рамбаха (Гессен, 1738); «Наставления к интерпретации Нового Завета» Августа Эрнести (Лейпциг, 1775)²². Наконец, из немногих изданий на русском языке — «Краткое руководство» к чтению книг Ветхого

²⁰ См.: Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 303–310, 313, 324, 331–333, 339, 362–366.

²¹ См.: Там же. С. 310, 375, 378, 390.

²² См.: Там же. С. 310, 323, 331, 333–336, 339, 363, 366, 378.

и Нового Завета (Киево-Печерская Лавра, 1781) и «Согласительное наставление к истинному познанию Св. Писания» (Москва)²³.

Библейская история и историческая критика Библии

Из библеистических произведений этого направления в Академии были доступны: 2-томный библейский «Исторический словарь» Августина (Огюста) Кальме в 2-х экземплярах (Венеция, 1757); критический разбор истории Аристея о создании Септуагинты (Оксфорд, 1685)²⁴. Освоение библейского материала как исторического источника и изучение истории в системе библейских смысловых координат также становились возможными благодаря использованию таких традиционных жанров, как «Хронографы», в которых библейские аллюзии и компиляции не только занимали заметное место, но и были смыслообразующим стержнем. В академической библиотеке имелись два тома «Хронографии Феофана» из 36-томного собрания «Корпуса византийской истории» (Париж, 1655)²⁵. Такую же роль могли выполнять изложения курсов библейской и церковной истории на новозаветном материале — такие, как 10- и 12-томные издания Иоганна Гюбнера (Иена, 1724, 1728, 1738). Впрочем, большинство тогдашних «библейских историй» свидетельствуют о преимущественном употреблении в Академии собственно дидактических историй для поучительного чтения. Это касается и книг немецкоязычных авторов, и русскоязычных «священных историй Ветхого и Нового Завета», «священных историй» для «малолетних детей» и для «народных училищ» (Санкт-Петербург, 1778, 1784); переводов «священных историй» того же Гюбнера в русском (Москва, 1770) и польском (Кролевец, 1745) изданиях²⁶.

Словари, грамматики и другие пособия по изучению Библии

Наличие таких изданий способствовало приобретению и совершенствованию лингвистических знаний, в частности для освоения оригинальных библейских текстов, исследований в области древних и современных переводов. Литература такого рода считается необходимой для реконструкции, на актуальном для каждой эпохи культурно-языковом основании, семантической и смысловой системы библейского текста, для вхождения в многомерный мир библейской символики — словом, для преодоления пресловутой «герменевтической дистанции», или даже «пропасти».

Конечно же, базовый текстуальный потенциал в этом смысле уже продемонстрировали рассмотренные выше библейские издания, в т. ч. многоязычные, включавшие как оригинальные версии, так и перево-

²³ См.: Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 337, 382.

²⁴ См.: Там же. С. 306 и 364 соответственно.

²⁵ Там же. С. 315.

²⁶ Акты и документы... Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 417, 421, 423–424, 427–428.

ды — древние и новоевропейские. Но что касается вспомогательных средств текстологической и лексикографической работы, то в Академии имелись издания, помогавшие как в овладении правилами чтения древнееврейских и арамейских текстов Библии, отображенных консонантным письмом, так и в работе с оригинальной библейской лексикой. Среди них отметим: «Халдейский, талмудический и раввинистический лексикон» Иоганна Буксдорфа (Базель, 1639); сочинение о «еврейских ударениях» Фридриха Гирта (?) (Иена, 1752); диссертация Иоганна-Генриха Михаэлиса о древнееврейских «точках» — некудот (Галле, 1739); «Ключ к еврейскому чтению» Иоахима Ланге (Галле, 1735)²⁷.

Освоению библейского оригинала и древних переводов способствовали также: учебник древнееврейского и халдейского (арамейского) языка И. Буксдорфа (Базель, 1631); древнееврейская грамматика того же И.-Г. Михаэлиса (Братислава, 1748), открытая для активного пользования (в академической библиотеке насчитывалось 17 ее экземпляров); многочисленные грамматики других авторов: древних семитских языков (древнееврейские, халдейские, сирийские), а также греческие, латинские и церковнославянские грамматики. Тут выделим греческую грамматику, изданную за границей В. Бантыш-Каменским (Лейпциг, 1779), — достижение самой киевской академической школы XVIII в.²⁸

Основанием для лингвистического и литературного исследования Библии могли послужить такие издания, как: «Ключ к священному языку Нового Завета» (Иена, 1730, 1740) и «Ключ к священному языку Ветхого Завета» (Иена, 1735, 1739, 1744) Кристиана Стокка; словарь древней библейской лексики и словарь библейской ономастики Адама Эрдмана-Мири (Лейпциг, соответственно 1727 и 1721 гг.); ономастический словарь Ветхого Завета Иоганна Симона (Галле, 1741). В академической библиотеке также находилась рукопись словаря «библейских имен и названий животных, женщин, народов, богов, городов», поданных на древнееврейском, халдейском, греческом и латыни — не определенного нами автора²⁹.

Библия и библеистическая литература из частных собраний в сравнении с академической библиотекой

Анализ корпуса библейских и библеистических изданий, попавших в библиотеку Киевской академии из частных собраний (в качестве пожертвований), несмотря на известное несовершенство описаний³⁰, дает возможность выдвинуть некоторые предположения относительно характера заин-

²⁷ Акты и документы. Отд. II. Т. V. № LXXVII. С. 329, 356–357, 450.

²⁸ Там же. С. 448, 450, 452–460.

²⁹ Там же. С. 357, 447–448.

³⁰ См.: Там же. Отд. III. Т. I. Прим. на С. 560.

тересованности в изучении Священного Писания среди образованных людей конца XVIII — начала XIX в. — различных представителей духовно-интеллектуальной элиты Российской империи. Скажем, среди представителей православного духовенства (иерархов и образованных монахов), а также среди светских «интеллигентов» (помещиков и горожан).

Прежде всего, снова отметим издания Библии и библейских книг на разных языках, имевшихся во фрагментах этих бывших частных библиотек. В собрании епископа Димитрия (Устиновича) — это латинская Библия; экземпляры Псалтири, Апостола, Нового Завета по-гречески, Библии на голландском, польском и немецком языках³¹. Собрание еще одной духовной особы, иеромонаха Иерофея (Нащинского), также содержало издания Библии на немецком, латыни, польском языках; греко-латинское Евангелие-билингву³². Библиотека И. Марковича содержала Библию Тремеллия (Ганновер, 1596 и 1715); иллюстрированную Библию А. Каловия (Франкфурт, 1672); издание Вульгаты (Иена, 1688); Библию Себастиана Каstellиона (Лейпциг, 1750); немецкую Библию (Кенигсберг, 1732); знаменитую греко-латинскую билингву — Новый Завет Эразма Роттердамского (Франкфурт, 1700)³³. В «собрании господина Скорописницкого» наряду с латинской Вульгатой, греческой Библией и греко-латинским Новым Заветом видим французские издания (в т. ч. многотомное, комментированное)³⁴.

Из *текстологических и вспомогательных источников* отметим еще библейские «гармонии», «тезаурусы», «лексиконы», «демонстрации», симфонии-конкорданции. В основном это немецкие издания (Виттенберг, Франкфурт) конца XVII — начала XVIII в.; выделяется тут лишь такой раритет, как гармония на повествования евангелистов Поликарпа Лейзера (Франкфурт, 1600) из библиотеки И. Марковича. Условно к этой группе могли бы быть отнесены литературно-переводческие обработки библейских повествований, т. н. «парафразы». Здесь это уже известные по «большому» академическому собранию парафразы на Новый Завет Эразма Роттердамского из библиотеки епископа Димитрия (Устиновича) и парафразы шотландских поэтов на Псалмы из собрания отца Иерофея (Нащинского)³⁵.

Самым же значительным в частных собраниях был массив *комментариев* на Библию, а также тексты с изложением *богословских основ герменевтики, экзегезы и их истории*. Определенную долю в таких собраниях составляли патристические и средневековые комментарии,

³¹ Акты и документы... Отд. III. Т. I. С. 549, 554–555, 558–559.

³² См.: Там же. Т. IV. № LXXVIII. С. 445–446, 453.

³³ См.: Там же. Т. III. №. LIV. С. 344, 351, 353.

³⁴ См.: Там же. Т. IV. № LXXVI. С. 438–439, 440, 443.

³⁵ См.: Там же. Т. I. С. 543, 545, 546; Т. III. №. LIV. С. 344, 348, 349, 359; Т. IV. № LXXVIII. С. 447.

изданные преимущественно за рубежом, часто на латыни: например, святителя Иоанна Златоуста и Евсевия Памфила (Кесарийского) (Кельн, 1788). Из московских изданий видим «Беседы» святого Иоанна Златоуста. Из ренессансных, реформационных комментариев и комментариев Нового времени отметим произведения Эразма Роттердамского, а также целого ряда уже знакомых нам авторов, как протестантских, так и католических: Мартина Гейера, Мэтью Пула, Филиппа Фридлиба, Иоганна Матиаса Геснера, Иоанна (Яна) Кристофора Тарнувского, Иоганна Георга Притса, Эммануэля Тримеллия, Огюста Кальме, Авраама Калова, Родольфа Гестера из Цюриха, Павла Тоссануса, Пьера Даниэля Гуэта, Конрада Дитериха, Вольфганга Франца, Иоганна Гюльсеманна, Саломона Глассия, Себастиана Каstellиона, Иоахима Ланге, Якоба Рамбаха и др. Из историко-экзегетических и богословско-герменевтических работ, важных с точки зрения присутствия и влияния разных герменевтических традиций, можно отметить, например, «историю интерпретации священных книг» Георга Розенмюллера и введение в изложение Нового Завета Иоганна Георга Притса из библиотеки епископа Димитрия (Устиновича); то же сочинение лейпцигского издания 1757 г., а также книги из Галле: «Священная герменевтика» Иоахима Ланге 1733 г. и «Руководства герменевтические» Якоба Рамбаха 1752 г. среди книг И. Марковича³⁶.

В общем, «частный» массив библейской и библеистической литературы коррелирует по структуре, перечню основных авторов и географией изданий с «большим» академическим собранием. Это свидетельствует об устойчивой тенденции пребывания духовных и светских лиц из образованных слоев общества именно в европейском культурном контексте. Потенциально такие тенденции определяют и возможности влияний-рецепций в области библеистических исследований.

Богослужебная библейская литература: символизм присутствия в литургическом пространстве

Наконец, отдельно рассмотрим библейскую литературу, которая в конце XVIII — в начале XIX в. принадлежала библиотеке академической Конгрегационной Благовещенской церкви³⁷. Среди специфических признаков, отличающих эти книги, можно выделить: количественное преобладание православных богослужебных текстов на церковнославянском языке (Евангелия, Псалтири, Апостолы); их соответствующее оформление (украшение, убранство); преимущественно московская и киево-печерская лаврская печать.

³⁶ См.: Акты и документы... Отд. III. Т. I. С. 542, 543, 545, 547, 550; Т. III. №. LIV. С. 344, 345, 347, 349, 350, 351, 359.

³⁷ Описи см.: Акты и документы... Отд. III. Т. I. № LXIX. С. 204–205, 209–210; Т. IV. № CXXIX. С. 687.

Но прежде всего, эти издания отличает особое символическое значение. Во-первых, они функционировали в литургическом пространстве, были непосредственными элементами церковного священнодействия — и как источник Божьего Слова, и как «священные предметы». Во-вторых, они служили символами церковного единства, канонической и богослужбной преемственности. Как правило, это были символические пожертвования Конгрегационной церкви со стороны известных православных архиереев, связанных с Киевской академией — митрополитов Стефана (Яворского), Тимофея (Щербацкого), Иоасафа (Кроковского), епископа Илариона (Григоровича). Это были не просто подарки «на память» (хотя и такого мотива не стоит исключать, хотя бы частично). Статус этих книг в литургическом действе позволяет сравнить их передачу в Конгрегационную церковь с аналогичной передачей богослужбной утвари (евхаристической чаши-потира и пр.).

Символическими также были: дарование Евангелия киевским «бургмейстером» Тернавиотом и пожертвования полтавского «значкового товарища» Семена Максимовича на украшение служебного Евангелия. Бургмейстерский дар выявлял «общегражданскую» символику: признание значимости храма и вообще Академии как духовного центра Киева — или проявление покровительства-патроната городской общины над академической общиной-конгрегацией и ее храмом как наследование давних «братских» и «ктиторских» традиций. Поступок полтавского мещанина, потомка казаков, также закономерен: украинская церковная традиция знает практику участия духовенства и мирян разного сословия в восстановлении и сохранении текста Священного Писания и богослужбных книг. Это считалось проявлением благочестия, гражданской солидарности и патриотическим поступком³⁸.

Рассмотрение же богослужбных библейских текстов как фактора становления академической библеистики в Киеве представляется не менее мотивированным и целесообразным, нежели рассмотрение в этом же качестве библиотечных библейских изданий, переводов, вспомогательной и комментаторской литературы. Это так, прежде всего, принимая во внимание особенные герменевтические действия, свойственные православной традиции, включающие в себя именно литургическое и паралитургическое прочтение-освоение текста Священного Писания. Соответственно, сложилась интерпретативная традиция гомилетического и морально-учительного комментирования богослужбных библейских текстов. Именно этот аспект библейской экзегезы, как показывают даже

³⁸ См., напр., посвящения к изготовленным собственноручно или «власным коштом» рукописным Евангелиям, к библейским переводам на народный язык, к печатным изданиям Библии в кн.: Уляновський В. І. Історія церкви і релігійної думки в Україні. Кн. 2: Середина XV– кінець XVI ст. К., 1994. С. 50–54, 55–57.

предварительные обзоры библиологического образования в Академии того времени, постоянно оставался актуальным здесь в повседневной учебной деятельности и прямо соответствовал ее целям и задачам³⁹.

Многоконфессиональный характер европейского библеистического наследия: толерантность и прагматизм образованных киевлян

Представляется важной еще одна черта традиционной открытости киевского православного духовно-интеллектуального мира к европейской библейской науке и богословской культуре в целом. Это — толерантное восприятие конфессионального разнообразия позиций и подходов западных библеистов. Рядом на полках публичных и частных библиотек в Киеве стояли и издания Библии, и библейские комментарии, созданные как протестантскими, так и католическими авторами. Прежде всего — знаменитыми представителями разных конфессиональных школ реформационной и постреформационной библейской экзегезы Нового времени — такими, как протестанты Мартин Лютер, Жан Кальвин, Теодор Беза, Гуго Гроций, католики Роберто Франческо Ромоло, кардинал Беллармин, Иоанн Тарновий (Ян Тарнувский), архиепископ Гнезненский. Но, кроме того, можно отметить одновременный интерес киевлян к более поздним работам представителей разных христианских направлений. Это труды католических богословов Августина Кальмета (Кальме), Пьера Даниэля Гуета (Юе), епископа Суассонского; лютеранских теологов Авраама Каловиуса (Калова), Иоганна Августа Эрнести, Мартина Гейера, Иоганна Георга Притса, Вольфганга Франца, Соломона Глассия, Иоганна-Генриха Михаелиса, Иоахима Ланге, Августа-Германа Франке, Франца Буддея, Эгидия Гунния, Иоганна-Якоба Рамбаха, Иоганна Хюбнера; крещеного еврея Эммануэля Тремеллия, трудившегося в протестантских университетах Кембриджа и Гейдельберга. Допускаем, что и толерантность, и прагматизм образованных киевлян в той или иной мере проявлялись в их стремлении воспользоваться достижениями тогдашней европейской культуры.

Потенциал европейской библеистики и проблемы его реализации: что же досталось в наследство обновленной КДА?

Итак, рассмотренные источники достаточно полно представляют потенциал в области библеистики в Киевской академии конца XVIII — на

³⁹ Так, общим предметом для академических классов богословия, философии и риторики было гомилетическое «разъяснение» — толкование «недельных» и праздничных («апракосных») библейских чтений (Евангелий и апостольских Посланий), а также регулярные упражнения студентов в этом. См., напр.: Акты и документы... Отд. III. Т. I. № XIX. С. 80; № XXXV. С. 133–134; № XCII. С. 362–362; № CII. С. 390–391; № CXXXVI. С. 653–654; Т. III. № XIV. С. 134–135; № LXIII. С. 414, 429; № XCIX. С. 573, 626; Т. IV. № XLVII. С. 191, 216.

чала XIX в. На то время в академических библиотечных фондах складывался количественно и качественно мощный массив библейской и библеистической литературы. По своим формальным признакам он достаточно полно охватывал исторически сформированный круг богослужебного и внебогослужебного прочтения и изучения Библии. Тут были представлены издания библейских текстов как для литургического, так и для частного употребления, а также разнообразная комментаторская и вспомогательная литература. Жанровая структура вспомогательных изданий и комментариев в основном отвечала структуре исагогических и экзегетических дисциплин, возникшей в эпоху Нового времени вследствие развития и взаимодействия предшествующих герменевтических традиций, синтеза опыта патристической, средневековой, ренессансной, реформационной и постреформационной (барочной) экзегезы. География представленных и доступных в то время изданий, а также персональный состав их авторов и издателей свидетельствует о возможности тесного вовлечения представителей киевской академической среды в общеевропейский культурный контекст — при всей сложности его конфессиональных проявлений и тенденций богословского развития.

Свидетельство осознания этой возможности современниками усматриваем в указании архиепископа Феофана (Прокоповича) из цитированного уже Духовного регламента: «Чтобы читал учитель богословский Священное Писание и учился бы правил, как прямую истинную знать силу и толк Писаний, и все догматы укреплял бы свидетельством Писаний. А на помощь того дела, читал бы надлежаще святых отцов книги... А хотя бы и может богословский учитель и от новейших иноверных учителей помощи искать, но должен не учиться от них и не полагаться на их сказки, но лишь те руководства их принимать, которые те от Писания и от древних учителей доводы употребляют...»⁴⁰. Считаем, что признание самой возможности «искать помощи от иноверных учителей», так как и те могут основываться на истине Писания, могло возникнуть именно в Киеве и именно на почве киевской академической культуры.

Это дает основательный повод для предположения о формировании к началу XIX в. в стенах Киевской академии собрания оригинальных и переводных текстов и иных источников, определявшего возможность полноценного изучения Библии, создания собственной интерпретативной традиции как на основе традиционных герменевтических принципов, так и путем вовлечения в библеистические исследования историко-критических и филолого-литературоведческих методов.

В какой мере эта возможность осуществлялась? Уже последние годы существования «старой» Академии конца XVIII — начала XIX в., представленные в документах, касавшихся, например, учебного процесса, со-

⁴⁰ Акты и документы... Отд. III. Т. I. Ч. 1. № I. С. 5.

здают впечатление углублявшегося противоречия между солидным все-европейским потенциалом и довольно ограниченным его применением. Так, практиковалось лишь «разъяснение» воскресных и праздничных евангельских чтений и толкование апостольских Посланий по святым отцам; из относительно «новых» авторов в постоянном употреблении была лишь герменевтика по Рамбаху и «священная история» по Хюбнеру⁴¹.

Одновременно достаточно представительный круг европейских источников по разным отраслям библеистики резко контрастировал с практическим отсутствием в библиотечных фондах соответствующих трудов киевских авторов. Это может свидетельствовать как о невысоком уровне богословского и научного исследования Библии в Киевской академии в конце XVIII — начале XIX в., так и об ограничении возможностей для публикации таких работ. Наряду с исполненными на достаточно высоком уровне комментариями епископа Ириней (Фальковского) на Послания апостола Павла, одобренными в 1806 г. Святейшим Синодом⁴², встречались довольно вульгаризированные, фантазийные, «чуждые научного значения», подобно сочинению иеромонаха Кандида (Матушевича), раскритикованного известным библеистом-гебраистом протоиереем Герасимом Павским⁴³. Причем сочинение Фальковского все равно не публиковалось из-за нехватки средств.

Следует признать, что это были признаки известной культурной и образовательной стагнации Киевской академии, известным способом преодоленной в ходе реформ 1814–1819 гг. Происшедшее тогда преобразование Киевской академии из учреждения «протоуниверситетского» типа в сугубо конфессиональное учебное заведение, с одной стороны, было объективно обусловлено внутренними церковными нуждами и трансформациями общеевропейского культурно-образовательного процесса. В то же время оно обусловило известную противоречивость духовно-интеллектуального развития, определенный конфликт между потенциальной открытостью киевской библейской науки к европейскому наследию — и четкими конфессиональными условиями его рецепции и применения. Поэтому определение характера и степени реализации возможностей развития, скажем, на протяжении следующего, XIX в. потребует дальнейшего изучения учебного процесса и исследовательской работы преподавателей и воспитанников КДА в данной области. Такое изучение должно учитывать как цели и задачи этого духовного учебного заведения, так и реальные пути привлечения в православную киевскую библеистику западноевропейского богословского и научного опыта.

⁴¹ См., напр.: Акты и документы... № XIX. С. 80; № XXXV. С. 133–134; № XCII. С. 362–362; № CII. С. 390–391; № CXXXVI. С. 653–654.

⁴² См.: Там же. Т. II. № LXXV. С. 137.

⁴³ См.: Там же. Т. IV. Введение. С. LXX–LXXIV.